

Анатолий
ПАРПАРА
г. Москва

Из неопубликованной книги
«Минипары»
(Миниатюры Парпары)

ДВА ЭПИЗОДА
ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА МОЛЧАНОВА

1

Василий Фёдоров – остроумный и сдержанный в слововыражениях поэт – был всегда рад во второй половине дня после работы за утреним письменным столом сменить его на бильярдный стол, благо от дома на Кутузовском проспекте до Центрального дома литераторов было рукой подать, всего рубль на такси (по советским ценам. – А.П.). В небольшой бильярдной, где помещались два классных поля с зелёным сукном и настоящими костяными шарами, а также четыре партнёра и не более пяти зрителей, ибо иначе было трудно вернуться играющим, Василий Дмитриевич чувствовал себя вольготно, отпускал изящные шуточки, тонко иронизировал над ситуацией. На полочку для шаров он любил поставить рюмку с коньяком. И неоднократно в течение игры обновлял её содержимое, тем более что буфет находился тут же за дверью, в подвале. Но на игре его количество рюмочек почти не отражалось.

В тот вечер среди бильярдистов случайно оказался старый поэт Иван Никанорович Молчанов, тоже любивший побалагурить. И надо же было случиться тому, что у Василия Фёдорова, забившего шар в крайнюю слева лузу, второй – буквально навис над центральной лузой по тому же борту. Ни у кого не было сомнения, что отлично игравший поэт забудёт и этот шар. Но Молчанов был иного мнения. Он подошёл поближе к столу, что делать не полагается во время игры, и безапелляционно сказал:

– Шар не пойдёт!

Василий Дмитриевич даже задохнулся от такой наглости, но сдержался и предупредил:

– Ваня, отойди, а то ударю кием.

Иван Никанорович тем не менее категорично утверждал:

– Не пойдёт. Я правду говорю.

Фёдоров уже прорычал:

– Я сказал – отойди: будет хуже.

А сам прицелился. Его неудачный удар и слова Молчанова, оказавшиеся пророческими, были синхронны и предсказуемы. Но мгновенная реакция Фёдорова на своё поражение, треск сломан-

ного кия и тяжкое падение старого пророка на пол были для всех неожиданны.

В те времена такие происшествия и даже драки были редким явлением.

Прибежал заместитель директора ЦДЛ Аркадий Семёнович, был краткий шемякин суд, и семидесятипятилетнего Ивана Никаноровича выставили на улицу с последующим решением не пускать в этот особо почитаемый дом целый месяц.

Молчанов отомстил по-своему и быстро. Его четверостишие было чеканным:

*Есть у событий свой закон,
Свои пути, свои дороги:
Толстой от церкви отлучен,
Я – отлучен от синагоги.*

Тогда над этим дружно посмеялись, оценив перо неунывающего старца. Сегодня об этом написали бы почти все газеты и показали по всем каналам, обвинив русского поэта в антисемитизме и разжигании национальной розни.

2

Дитя революции – ему было четырнадцать лет, когда она победила, – Иван Молчанов опекался комсомолом и, несмотря на своё неглубокое образование, много писал и часто печатался. Вскоре он стал автором нескольких стихотворных сборников, но всеобщую славу ему принесла песня на его стихи из поэмы «Пётр Дьяков» «Прокати нас, Петруша, на тракторе...». Герой этой песни погибает от руки кулака, спасая трактор от пожара. Автор думал, отталкиваясь от газетной информации, что молодой комсомолец погиб. Прошло более тридцати лет, когда поэт узнал о том, что герой обгорел и всё-таки остался жив. Но... из песни слова уже не выкинешь, тем более не изменишь песенной судьбы. Молчанов был грубоватым острословом, но нежным и добрым человеком по сути своей, хотя в гневе своём, как и Пушкин, мог быть несправедливым. Тем не менее он много помогал и советами, и делом поэтической молодежи, в числе которой оказался однажды и ваш покорный слуга. Нас подружила поэзия Алексея Недогонова, которого Иван Никанорович хорошо знал, а я любил чуть ли не с детских лет, ибо вырос на Филях, работал на заводе имени Хруничева среди друзей талантливого поэта...

Однажды Иван Никанорович, уже в солидные годы, приехал в родные края. И прежде чем отбыть на родину в деревушку Шенкурского района,

где его – земляка – любили и ласкали, зашёл в областную газету «Архангельская правда». Там у него были два старинных друга – фронтовые журналисты. Главного редактора звали Григорием, он сильно прихрамывал со времён войны, а его заместителя – Георгием. Прошу запомнить их имена. Это важно для последующего рассказа.

В редакции они хорошо посидели, вспомнили добрым словом и павших, и живых однополчан, а отбывая к себе в район, по просьбе друзей Иван Никанорович оставил стихи для публикации и попросил прислать гонорар дней через десять (когда закончатся деньги) ему в деревню. Те обещали в точности исполнить его просьбу.

Прошло недели две. Деньги у любившего покутить и щедрого на застолье поэта закончились, обещанного гонорара, а по тем временам он должен был быть приличным, нет и нет. Подождав ещё неделю, Иван Никанорович взорвался: что за друзья, которые так нагло подвели. Дозвониться до редакции было невозможно, и обиженный поэт послал в редакцию единственно действенное оружие – гневную эпиграмму – в надежде на то, что каленая стрела поэзии приведёт их в чувство и они вспомнят о безденежном товарище.

И вот редактора партийной газеты вызывают из больницы, куда он попал вскоре после отъезда Молчанова на родину, в обком и показывают ему телеграмму.

– Что это такое?

Тот, прочитав, хватается за сердце. А там было напечатано следующее:

*Газета стоит на одной ноге.
И жалко от сердца поэту:
Редактор на «Г», заместитель на «Г» –
Совсем изговняли газету.*

Как я уже сказал, редактор оказался в больнице, стихи поэта для сохранности были закрыты им в сейфе, и никто их не мог достать без шефа. А уж каким образом телеграмма вместо главного редактора оказалась в обкоме, мне об этом не смог рассказать и сам Молчанов.

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ ВРАГАМ НАЗЛО...

Это было очень давно – ещё в третьей четверти прошлого столетия. В концертном зале имени П. Чайковского тогда проводились литературные вечера, собиравшие полный зал поклонников поэзии. На этих вечерах была удивительная атмосфера духовной близости выступающих и слу-

шателей. Каждое оригинальное стихотворение, интересный образ или неожиданный поворот мысли вызывали восторженную реакцию зала. Поэты рвались на эстраду, ибо была возможность проявить себя, но зато неприятие зала могло надолго отбить охоту к публичному выступлению.

Однажды и мне, студенту МГУ, не так давно вернувшемуся со службы на Северном и Балтийском флотах, предложили принять участие в поэтическом вечере. Помню, что я очень волновался, прочитал несколько лирических стихотворений, а завершил своё выступление «Балладой о суровой нежности», посвящённой талантливому рабочему поэту Александру Балину, чей фронт-овой путь проходил по нашей Смоленщине. Это был рассказ о судьбе мальчика в оккупации, который был разлучён с отцом жестокой войной в годовалом возрасте. Он не помнил своего отца, но знал от матери, что тот бьётся с фашистами, чтобы освободить своего сына из неволи. Поэтому, когда наконец-то пришли освободители, мальчик выбегал навстречу солдатам и спрашивал каждого: «Ты – мой папа?» Эта горькая история оказалась близкой слушателям и вознаграждена была бурными аплодисментами. Но более всего меня поразил вопрос и последующая реакция ведущего наш вечер известного поэта, фронтовика, главного редактора популярнейшего тогда журнала «Огонек» Анатолия Владимировича Софронова:

– Анатолий, эту балладу ты публиковал где-нибудь?

Услышав мой отрицательный ответ, он отчеканил, обращаясь к залу:

– Читайте стихи Анатолия Парпары в ближайших номерах журнала «Огонек»!

А меня попросил, чтобы завтра я принёс ему подборку своих стихотворений вместе с балладой.

На следующий день, с трудом проникнув в охраняемое здание издательства «Правда», я пришел к заведомому поэзии Анатолию Кудрейке со своими стихами. Но старый поэт, прославленный ироническими стихами Маяковского, вместо того чтобы прочитать мои сочинения, долго и нудно говорил мне о том, как много присылают стихотворений в журнал, как много расплодилось виршотворцев... Мне стало жалко его, и я ушёл из редакции.

Месяца через три в фойе Центрального дома литераторов я сидел на диване с приятелем и увидел стремительно идущего А.В. Софронова в окружении нескольких человек. Вдруг он, заметив меня, прервал движение:

– Анатолий, почему ты не пришёл ко мне в редакцию?

Я стал оправдываться тем, что постеснялся беспокоить его, поскольку увидел огромную очередь писателей у его кабинета и потому зашёл в отдел поэзии.

– Чтобы завтра в 12 часов дня был в моем кабинете. Пропуск будет заказан.

В бюро пропусков действительно все было оформлено, и спустя несколько минут я входил в приемную главного редактора «Огонька», где сидели на стульях и стояли человек двадцать известных литераторов. Я предупредил милую секретаршу о своем приходе и приготовился терпеливо ждать очереди.

Минут через пять секретарь, заглянувшая по вызову в кабинет главного, объявила: «Анатолий, вас ждут». Вскочили несколько человек, среди которых я узнал Анатолия Иванова, Анатолия Ткаченко, знаменитых писателей, но, оказывается, ожидали меня...

А ещё через три недели и мои стихи вышли в свет. В те времена опубликоваться в журнале с многомиллионным тиражом было мечтой многих членов Союза писателей СССР. И моей тоже.

Так вошёл в мою жизнь талантливый писатель и советский общественный деятель, у которого было немало друзей и немало врагов. Ненависть ведь тоже говорит о многом. Один философ мудро заметил: «Величие человека измеряется тенью, которую тот отбрасывает». Тень Анатолия Владимировича отбрасывал огромную.

НАКАЗ РЕДАКЦИИ

Разбирая свои книжные завалы, наткнулся на двухтомник Расула Гамзатова, выпущенный издательством «Художественная литература» в 1964 году. На первой странице первого тома стихотворений популярного поэта я прочитал:

«Толк от коллектива. Перещеголай Гамзатова. Тебе ещё двадцать четыре. Мы верим в тебя!»

Редакция «Все для Родины».

15 июля 1964 г., г. Москва

Это был день моего рождения. Полубившие меня журналисты многотиражки закрытого тогда для гласности авиационного завода, который знает теперь весь мир под именем космического центра имени Хруничева, подарили эти томики с желанием вдохновить меня на дерзкое соревнование с талантливым аварским стихотворцем. Они втайне надеялись на то, что мне удаст-

ся преодолеть не сложившийся удачно для меня быт и вывести мою ладью в «бурное море поэзии». Сегодня, тридцать восемь лет спустя, я могу сказать, что «перещеголять Гамзатова» не смог. Да и незачем было делать это. У нас разные поля соревнований. И даже если бы работали на пространстве одного языка, все равно в поэзии, как на ристалище, победителей не бывает. Разве Лермонтов победил Пушкина? И разве гений России затмил собой поэта Державина? В литературе, как на июньском поле, чем больше разных цветов, тем прекраснее картина открывается для любящего красоту.

Но подружиться с Расулом Гамзатовичем мне удалось. И даже – по его просьбе – перевести цикл его четверостиший...

ОСКОРБЛЕНИЕ НЕЖНОСТЬЮ

В вагон московского метрополитена наряду с другими вошёл пожилой человек с палочкой в правой руке. На груди его блестела юбилейная медаль, а чуть ниже располагалась квадратная колодка с наградами. Народу в вагоне было много, но не тесновато: дело шло к обеденному перерыву. На вошедшего никто не обратил внимания. В последние годы подобное стало привычным, да и сами инвалиды уже смирились с таким положением: себе дороже – иной дурак может и наскандалить, а то и ещё чего хуже сделать может...

Электричка тронулась резко, и вошедший ветеран хотя и опёрся на палочку, но стал искать рукой место, чтобы удержаться за верхний поручень. Но там вольготно располагалась мощная рука молодого богатыря с хмурым лицом. Инвалид попросил его:

– Сынок, подвинься немного!

Богатырь отреагировал автоматически, пробавив обидчиво:

– Какой я тебе «сынок»? – и мрачно посмотрел на ветерана Великой Отечественной войны. Создалось впечатление, что его оскорбили таким нежным обращением. Ветеран заметил это.

– Действительно, какой ты мне «сынок», сынок! – незлобиво ответил он.

Электричка затормозила неожиданно, и дедушка чуть было не упал, но его быстро подхватил под мышки мрачный богатырь. Что-то произошло с ним. Возможно, он очнулся от странного сна, владевшего доселе им, и начал понимать, что происходит с ним. И в нём заговорила таившаяся в глубине заскорузлой души совесть и потребовала уважения

к старому человеку, как к своему дедушке, которого он плохо помнил, но всё же помнил и любил. Скорее всего, в нём оттаяла далекая детская память, помнящая добро и пожелавшая воздать добром же. Да и сказанное дважды тёплое «сынок», видимо, сыграло подсознательно свою благородную роль настолько удачно, что огрубевшее лицо его прояснилось: он прижал к себе старика:

– Дедушка, садитесь вот сюда. А ты, – он показал на молодого парня, сидевшего с девушкой, – уступи место ветерану. Глаз у тебя нет, что ли? Старость надо уважать! А с «тёлкой» своей ещё насидишься.

Эти обычные дворовые слова, несущие в грубой оболочке такую неожиданную нежность, вызвали такую же неожиданную реакцию у окружающих: если доселе каждый занят был собой, то сейчас люди вдруг подобрали глазами и улыбнулись непроизвольно.

НЕ ССОРЬСЯ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ!

Великолепный хоккеист В. С., обласканный мировой славой, после ухода из спорта неожиданно для своих коллег стал писать стихи. Друзья его вначале относились иронически, но позже смирились и даже стали понимать В. и принимать его стихотворчество за должное, тем более что он писал на близкие для них темы: о самом хоккее, об Олимпийских играх, о болельщиках, о странах, куда заносила их судьба. Конечно, даже несведущие в поэзии сознавали, что его строки не претендуют на серьёзную оценку, но им нравилось то, что стихотворения написаны их товарищем. А бывшему хоккеисту стало нравиться то, что его принимают как поэта, и он снова почувствовал себя на коне; у него стали появляться поэтические амбиции.

Так получилось, что вскоре его пригласили со стихами в один сборник, издаваемый авторитетной спортивной организацией. Редактором книги был известный поэт, который, просмотрев стихи знаменитого хоккеиста, предложил ему поправить стилистику некоторых строк, ритмику стихотворений, там, где она хромает, исправить грамматические ошибки, улучшить рифмы. Сделано это было деликатно, щадя самолюбие автора. Но спортсмен, не привыкший к редактуре, воспринял это с некоторым раздражением. На что редактор ответил конкретно: – Начнем с грамматики. Вы пишете:

*И впредь давайте ж непременно
Встречать, спорить и дружить.*

Ясно, что вы хотели написать «встречаться» вместо «встречать» – так будет лучше и грамматически, и ритмически. Или в другом стихотворении:

*И возбужденные от встречи
Болельщик возвращается домой
И ещё долго слышны речи
О том, что связано с игрой.*

В этой строфе необходимо расставить знаки препинания, которые имеют важное значение для смысла изложенного, изменить единственное число в слове «болельщик» в данном случае на множественное. И поскольку слово «ещё» у вас имеет ударение ритмическое на первом слоге, а в предложении отсутствует глагол «были», я предлагаю изменить эту строфу на такой вариант:

*И, возбужденные от встречи,
Болельщики идут домой...
И долго были слышны речи
О том, что связано с игрой.*

Не бог весть что, но всё же получше. В соответствии с грамматикой русского языка.

Так редактор разобрал все стихи. Автор напряженно прохаживался по кабинету, молча слушал,

но иногда останавливался и жёстко требовал восстановить написанное им. Их общий товарищ, заметив раздражение хоккеиста, сказал редактору:

– Оставь как есть. Не будем же мы ссориться с великим хоккеистом.

На что профессиональный поэт деликатно возразил:

– Конечно, мы ссориться с ним не будем. Но и я ему не советую ссориться с русским языком. Он может отомстить вечностью.

Хоккеист задумался.

Анатолий Анатольевич ПАРПАРА –
русский поэт, драматург, общественный деятель,
профессор Московского государственного университета культуры,
председатель фонда имени М.Ю. Лермонтова, создатель и
редактор «Исторической газеты» (1996).

Родился в Москве в 1940 году.

Автор двадцати поэтических сборников.

Член Союза писателей СССР с 1975 г.

*Заместитель председателя Русского исторического общества,
которое было воссоздано по его инициативе,
действительный член Академии российской словесности.*

*Стихи переводились на более чем пятьдесят языков
во многих странах мира.*

*Заслуженный работник культуры России (1982),
награжден орденом Дружбы народов (1986) и медалями.*

В журнале «Север» публикуется впервые.

